

Нань Хаюнь испугался, увидев, что его младший шиди внезапно потерял сознание прямо у него на руках.

— Я лишь лишил его чувств, чтобы он не мучился от боли во время снятия гу, — произнес Хэ Чжисюань, подходя к Е Хуану.

Честно говоря, при взгляде на этого человека ему хотелось прямо сейчас уничтожить его духовный корень и вышвырнуть из секты Тяньшань. Однако, заметив, с каким тревогой и участием Нань Хаюнь прижимает к себе юношу, он усомнился: чрезмерное вмешательство в чужую карму может привести к непредсказуемым последствиям. Поэтому он лишь невозмутимо разрушил духовный корень Е Хуана и попутно избавил его от гу, пожирающего дух.

Увидев, как Е Хуан покрылся холодным потом и обмяк, Нань Хаюнь с нежностью и осторожностью подхватил его на руки.

— Благодарю, Бессмертный Достопочтенный, — произнес Нань Хаюнь. — Я отнесу шиди отдохнуть.

Хэ Чжисюань кивнул. Нань Хаюнь, бережно прижимая к себе Е Хуана, вышел из зала совещаний. Проводив его взглядом, Хэ Чжисюань нахмурился.

Старейшина Сюй подошел к нему и с горечью заметил:

— Кто бы мог подумать, что демоны настолько коварны. Используют такие низкие методы, чтобы подчинить себе учеников секты и заставить их служить своим целям.

Тут старейшина Сюй, словно что-то вспомнив, поспешно добавил:

— Бессмертный Достопочтенный, дошли слухи, что у демонов появился новый главарь. Он крайне жесток: всего за несколько месяцев расправился с прежним правителем, и теперь весь Моюань беспрекословно ему подчиняется. Может, нам стоит призвать все секты объединиться и раз и навсегда покончить с демоническим племенем?

Хэ Чжисюань повернулся к старейшине:

— Сейчас я ношу лишь титул Бессмертного Достопочтенного, а делами секты по-прежнему заведешь ты. Решай сам.

— Слушаюсь, — поспешно отозвался старейшина Сюй.

Но разве они посмеют пойти войной на демонов, если сам Достопочтенный не возглавит поход?

Тот, прежний главарь, был до того высокомерен, что ни во что не ставил праведных заклинателей, а этот, куда более могущественный, и подавно окажется не по зубам. Да что там не по зубам — хорошо еще, если он сам не начнет донимать их секты.

Старейшина Сюй беспомощно вздохнул. Но когда он поднял голову, чтобы еще что-то сказать, Достопочтенного и след простыл.

Хэ Чжисюань полагал, что тот ученик, встреченный той ночью, непременно сам его разыщет. В конце концов, он же Бессмертный Достопочтенный. На праздничном пиру в секте все ученики должны были видеть его, да и он сам обещал, что возьмет на себя ответственность. Однако прошло уже несколько дней, а никто не объявился. Более того, он сам бродил по секте, но не почувствовал ни малейшего следа того человека.

В чем же дело? Хэ Чжисюань гадал, неужели тот ученик покинул секту? Он навел справки у тех, кто ведет учет приходящих и уходящих, и выяснил, что за последнее время никто не уходил. Ученики знали, что Достопочтенный редко задерживается в секте, поэтому все стремились лишний раз попасться ему на глаза или получить наставление. Так с благоговением докладывал ему смотритель.

Хэ Чжисюань нахмурился. Где же тот человек? И если это не ученик секты, тогда кто?

Он вернулся в отведенный ему павильон. В ту ночь он даже не почувствовал, как тот ушел — видимо, человек намеренно старался его не разбудить. Хэ Чжисюань сел в позу лотоса на своей кровати. Почему? Он не мог перестать думать об этом. С его статусом Бессмертного Достопочтенного человеку не стоило прятаться. К тому же он был уверен, что их практика двойного совершенствования значительно повысила уровень культивации того юноши. Неужели он готов отказаться от столь легкого способа возвышения?

В чем же причина? В памяти всплыли дрожащее тело, заплаканные глаза и покрасневшие веки.

Плохо дело, подумал Хэ Чжисюань. Неужели, поскольку он никогда раньше не изучал эту тему, он был слишком груб и напугал его?

Очень вероятно. Вспомнив белизну кожи, гибкую талию, закушенную губу и полные слез глаза, он понял, что человек выглядел совершенно беззащитным. Должно быть, он тогда его до смерти перепугал, вот тот и спрятался.

Хэ Чжисюань поднялся. Он был человеком прилежным, поэтому немедленно отправился в библиотеку секты. Долго он бродил вдоль верхних полок, но не нашел ни одной книги, способной ему помочь. Поразмыслив, он покинул секту Тяньшань и направился в ближайший крупный город — Яньчэн.

Город встречал шумом рыночных торговцев и суетой, свидетельствующей о его процветании. В

отдельной комнате на втором этаже лучшего городского ресторана Цин Юань предавался пиршеству. Ничего не поделаешь: хотя став демоном, он мог обходиться без еды, но прожил человеком гораздо дольше, чем демоном, и привычку к вкусной пище так и не искоренил. А то, что водилось в Моюане, едой назвать было нельзя. Вот он и пришел в Яньчэн насладиться жизнью.

А почему именно Яньчэн? Потому что он близко к секте Тяньшань. С тех пор как он узнал, что протагонист находится там, он приказал демонам тщательно обследовать все окрестности, да и сам не раз навещался с проверкой. Места эти он знал как свои пять пальцев, а уж в Яньчэне ориентировался тем более, особенно в том, что касалось еды. Тамошние блюда были ему по вкусу — казалось, они очень напоминают кухню его родных мест. Порой Цин Юань задумывался: а не находится ли этот Яньчэн в той же точке, что и его дом?

Он ел, не зная меры, и это не приносило ему никакого дискомфорта. Теперь, в теле демона, эта еда была лишь крошечной крупичей энергии, так что даже после целого стола яств он не чувствовал сытости — останавливался только тогда, когда вкус начинал приедаться.

— Хозяин, — с любопытством спросила Система, — почему вы оставили Стекланную Лампу на своем письменном столе?

— Чтобы Нань Хаюнь увидел ее, как только войдет, — Цин Юань уже закончил трапезу и теперь медленно смаковал свежесваренный чай. Терпкий, сладковатый — отличный чай.

У него была еще одна важная причина покинуть Моюань: создать для Нань Хаюня возможность пробраться в его покои и забрать лампу. Если бы он оставался там, сил Нань Хаюня могло не хватить. А свои покои он обставил сам, по собственному вкусу, и не хотел, чтобы Нань Хаюнь перевернул там всё вверх дном в поисках реликвии. Поэтому он и поставил лампу на самое видное место — на рабочий стол.

Система была явно недовольна таким подходом. Она хотела, чтобы Нань Хаюнь добыл лампу честным трудом, а не с помощью махинаций Цин Юаня. Цин Юань оправдывался: в этом маленьком мире важен результат, а процесс можно и сократить. Весь этот мир и так держится на том, что Нань Хаюню подсовывают читерские техники и артефакты, иначе как бы он их получил?

Система злилась, но возразить было нечего.

Наевшись досыта, пора было прогуляться. Цин Юань вышел из ресторана. Он давно скрыл свою демоническую ауру, а его лицо было настолько приятным, что проходящие мимо девушки то и дело бросали в него платки. Цин Юань принимал их все, запихивая в широкие рукава. Если же какая-нибудь девица оказывалась слишком смелой и бросалась к нему, он спасался бегством. Он боялся. У него не было опыта общения с женщинами, поэтому он хотел их внимания, но одновременно страдал от страха перед их настойчивостью. Ему всегда казалось, что это он — тот самый, кто должен навязываться.

И тут он вспомнил, как однажды в Моюане спросил у стража:

— Как ты думаешь, как мне лучше пополнить свой гарем?

<http://bllate.org/book/19370/1892941>